

экономической и информационно-культурной среды и необходимость приспособления к ней (см.: *Следзевский И.В.* Человек в африканском обществе: социальный атом, культурный гибрид или интерпретатор? // *Человек в африканском обществе.* М., 1994. С. 45–46). Автор понимает под словосочетанием "антропоценоз" своеобразный синтез антропологических и экологических, экономических и социальных предпосылок и условий, принципиально "неотделимых" от человека в смысле обеспечения его функционирования как биологического вида и субъекта цивилизационного процесса одновременно.

- ²⁴ Моос М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 229.
- ²⁵ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 265.
- ²⁶ См.: Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., М., Харьков, Минск, 1997. С. 199–213.
- ²⁷ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. С. 160, 163.
- ²⁸ Ananou David. Le fils du fetiche. Paris, 1955. P. 161.
- ²⁹ См.: 8 Марта в Африке. Доклад профессора Андреева / Огонек. 2000. № 9. С. 26–30.
- ³⁰ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. С. 265.
- ³¹ См.: Mbiti L.S. African Religion and Philosophy. N.-Y., 1970.
- ³² См.: Террибул Колин М. Человек в Африке. М., 1981. С. 60–61.
- ³³ См.: Куббель Л.Е. Оценки посттарно-политической этнографии. М., 1988. С. 140–141 и др.
- ³⁴ См.: Синицына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 20, 57.
- ³⁵ Там же. С. 57.
- ³⁶ См.: Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 65.
- ³⁷ См.: Бочаров В.В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме иррационального в политике) // *Околдованная реальность (Мир африканской ментальности).* М., 1⁹⁹, С. 137.
- ³⁸ См.: Андреев И.Л. Является ли африканец "европейцем наоборот"? (Африка в цивилизационном процессе) // *Вопросы философии.* 1999. № 11. С. 49–67.
- ³⁹ По данным ООН, детская смертность в Сомали в 550 раз выше, чем в Норвегии.
- ⁴⁰ "Ветер и птица". Африканская народная поэзия. М., 1976. С. 60.
- ⁴¹ Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996. С. 102.
- ⁴² См.: Мосейко А.Н. Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность. М., 1985. С. 63–64; а также: *Бети Монго.* Исцеленный король. М.: Художественная литература, 1966. С. 35–36.
- ⁴³ Имхоф А.Э. Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения продолжительности жизни и определенности жизненного пути за последние 300 лет // *Советская этнография.* 1990. № 5. С. 69.
- ⁴⁴ См.: Моос М. Общества. Обмен. Личности. М., 1996. С. 237 и др.
- ⁴⁵ Бурмикин Эдуард. Рационально?... Но противно! // "Литературная газета". 2000. № 9. С. 7.
- ⁴⁶ См.: Юдин Б.Г. Право на добровольную смерть: против и за // *О человеческом в человеке.* М., 1991. С. 247–261; а также: "На грани жизни и смерти". М., 1989. С. 27–34, 148–157.
- ⁴⁷ См.: Юдин Б.Г. Смерть и умирание. Эвтаназия // *Введение в биоэтику.* М., 1998. С. 265–293; *его же.* Возможно ли рациональное самоубийство? // "Биоэтика: принципы, правила, проблемы". М., 1998. С. 284–296.
- ⁴⁸ Имхоф А.Э. Цит. раб. С. 82. См. также: *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 126–149.
- ⁴⁹ *Кадик Л.* Ажиотаж с петлей на шее // *Аналитический еженедельник "КоммерсантЪ – Власть".* М., 2000. № 6. С. 42–44.

Логика и философия*

Е.Д. СМЕРНОВА

Формальная логика всегда была связана с принципиальными философскими проблемами гносеологического и онтологического характера. С одной стороны, логика выдвигала философские проблемы, а с другой – была важным средством для их решения и обсуждения. Более того, само обоснование логики – одна из центральных философских проблем. С превращением формальной логики в символическую она стала применять сложный технический аппарат исчислений, а также использовать достаточно богатые математические средства. Однако это не отдалило логику от философии, как может показаться на первый, поверхностный взгляд. Напротив, связь формальной логики с философией, особенно с теорией познания, стала более глубокой, многосторонней и основательной.

Рассматривая связь логики с философией, мы выделяем два плана, два круга проблем: вопросы обоснования логических систем, логических форм и законов и роль логики в анализе глобальных философских вопросов (роль "логической сетки").

Вопрос обоснования логики теснейшим образом связан с вопросом о природе логической. Что изучает логика? Является логика наукой эмпирической или теоретической? Имеет ли она собственный базис, или ее основания лежат в психологии, в теории познания, в математике? Освещение этих вопросов во многом связано с критикой психологизма в логике, который являлся господствующим направлением в конце XIX в. Согласно представителям этого направления, логика – эмпирическая наука, ее объекты даны непосредственно точно так же, как объекты, изучаемые физикой или химией. Т. Липпс писал, что логика есть физика мышления. Мышление есть психический процесс, и логика изучает законы и формы этого естественного, природного процесса психической деятельности людей. Ссылка на то, что логика изучает законы и формы *правильного* мышления, ничего не меняет в этом плане, поскольку *правильное* мышление есть тоже мышление, и логика, изучая его закономерности, является частью эмпирической психологии. Нормативный характер логики также не меняет существа дела, поскольку обосновываться он может по-разному. В частности, логические нормы и правила могут объясняться закономерностями объективно протекающего процесса человеческого мышления – тем, "как люди мыслят". И точно так же, как движение планет подчиняется общим законам гравитации, мышление отдельных людей подчиняется общим законам, по которым протекает человеческое мышление.

При таком подходе вопросы обоснования логики по существу снимаются. Изучай, как люди мыслят, в том числе и закономерности *правильного* мышления, – и только. Такой плоский эмпиризм в трактовке логических форм и законов естественным

* Работа выполнена при поддержке ГРНФ, грант № 99-03-19641.

образом приводит к пониманию логических форм как изначально данных, независимых от практической познавательной деятельности людей, делает невозможной саму постановку вопроса об информативности логических форм и законов или об их отношении к реальности.

При такой трактовке "эмпиризма" фактически снимается, исчезает вопрос об онтологических и гносеологических предпосылках логики. Объективный характер логических законов определяется реальными связями процессов сознания, изменяться "логические основоположения" могут лишь с изменением природы человеческого ума. Поэтому критика эмпиризма в логике была важной и необходимой предпосылкой разработки и обоснования современной логики. Логические законы несут нормативный характер не потому, что мы так должны мыслить, следуя природе нашего ума. Люди вполне могут мыслить, нарушая законы логики. Необходимый характер логических законов – это не та необходимость, которую имеют законы гравитации, отмечал Г. Фреге. Одно дело – как протекает процесс человеческого мышления, чем обусловлены наши суждения, *другое* – принципы и законы логики. Объяснение хода мышления и наших суждений, полагал Фреге, – *важная, но не логическая задача*.

Важными вехами в критике психологизма в логике явились работы Б. Больцано, Г. Фреге, Э. Гуссерля и др. видных логиков и философов. Э. Гуссерль противопоставлял эмпирическому истолкованию логических связей (в духе психологизма) не их нормативный характер, а то, что они несут невременной, не причинный характер. Он подчеркивал, что это – связи *идеальные*. Критика Гуссерлем психологизма в логике верная и глубокая, не утратила своего значения и в наши дни. В то же время концепция Гуссерля не дает возможности выявить специфику логики как теоретической науки, выявить отношение идеальных связей к теоретико-познавательным предпосылкам.

Но и сторонники крайне негативного отношения к психологизму в логике, рассматривающие логику как теоретическую науку об объективных, идеальных связях и отношениях, приходят нередко к другому крайнему выводу – логика вообще не имеет никакого отношения к изучению мышления и ее трактовка как науки о законах и формах мышления есть возврат к психологизму. "Однако неверно, что логика – наука о законах мышления, – пишет Я. Лукасевич. – Исследовать, как мы действительно мыслим или как должны мыслить, – не предмет логики. Первая задача принадлежит психологии, вторая – относится к области практического искусства, наподобие мнемоники" [7, с. 48]. Лукасевич подчеркивает, что логика и ее законы не есть нечто субъективное, нечто присущее природе человеческого ума. Логика изучает вполне *объективные отношения* (силлогистика, например, базируется на объективных отношениях в сфере общих терминов, фактически – объемов понятий). Это такие же объективные отношения, как и отношения, изучаемые математикой, они не зависят от закономерностей психической деятельности людей. Именно исходя из объективного характера отношений, лежащих в основе логики, Лукасевич и делает вывод, что законы логики вообще не имеют никакого отношения к нашему мышлению. Однако из контекста видно, что само мышление Лукасевич при этом понимает узко, трактуя его в духе того же психологизма как процесс психической деятельности людей. "Вы, понятно, должны думать, когда вам нужно сделать вывод или построить доказательство, так же как вы должны думать, когда вам надо решить математическую проблему. Но при этом законы логики к вашим мыслям имеют отношение не в большей мере, чем законы математики. То, что называется "психологизмом" в логике, – признак упадка логики в современной философии" [7, с. 48]. Объективный аподиктический характер логических законов определяется, как мы видим, совершенно иными основаниями, а отнюдь не закономерностями психической деятельности людей.

В качестве альтернативы выдвигались и объективно идеалистические, и конвенционалистические подходы к истолкованию оснований логики. В последнем случае акцент переносился на нормативный характер логических принципов. При этом

нормативный характер логических законов и правил обосновывался соглашениями об употреблении определенных терминов языка – логических констант. Принятие тех или иных способов рассуждений обуславливается чисто прагматическими соображениями, их теоретико-познавательное обоснование рассматривается как псевдovoпрос. Крайняя форма этого направления нашла выражение в логическом позитивизме. Особенно характерен в этом плане "принцип терпимости" Р. Карнапа. Однако логическое знание не есть знание, относящееся лишь к языку.

Еще одной альтернативой выступает тезис, согласно которому логические связи настолько фундаментальны и первичны, что не нуждаются вообще в обосновании. Логическое знание – наиболее обоснованная, надежная и универсальная часть нашего знания. Во всяком случае логика, полагают, нуждается в обосновании меньше, чем математика. По разным совершенно основаниям такое понимание присуще и логцизму, и И. Канту.

Одна из важнейших задач логики – описать правильные способы рассуждения. Но какие выводы считать правильными? Те, что соответствуют правилам? Но почему принимаются те, а не иные правила, те, а не другие логические системы? Вопрос ставится о законности, оправданности способов рассуждения, т.е. об обосновании логики.

Нормативный характер логических законов и правил определяется не свойствами нашего ума, как это полагал Кант, не аподиктичными формами мышления, а определенными объективными связями между нашими высказываниями, определенной объективной зависимостью истинности одних наших утверждений от истинности (ложности) других. Логика и выявляет типы такого рода связей, лежащих в основе логических принципов и правил. Понятие истинности является центральным, основным понятием логической семантики. Суть дела заключается в *особом* (принципиально отличном от всех остальных дисциплин) *отношении логики к понятию истинности*. Если психологию, например, истинность интересует не более, чем любую другую науку, ибо любая наука заинтересована в истинности своих положений, то в логике анализ понятия истинности включается собственно в ее предмет. Можно строить различные системы формального вывода. Однако, какова бы ни была структура допускаемых способов рассуждения, в логике к ним предъявляется одно обязательное требование: они должны воспроизводить отношение логического следования. В зависимости от того, каким условиям отвечает принимаемое в семантике понятие истинности, находят свое оправдание и обоснование те или иные правила логики.

Попытка учесть в логике все более глубокие теоретико-познавательные характеристики истины приводит к появлению новых логических систем, новых типов рассуждений.

Современная логика является не только теорией дедуктивных способов рассуждения и не только теорией определенности и определений, но и теорией индуктивных способов рассуждения. Значительное место в ней занимает разработка процедуры поиска доказательств. Этот аспект интенсивно разрабатывается в настоящее время, особенно в связи с проблемами, объединенными именем "искусственный интеллект". Но не заставляет ли обращение к проблемам разработки методов поиска доказательств и ряду других проблем "искусственного интеллекта" оставить жесткие антипсихологические установки и вернуться к некоторой новой версии психологизма? Б.В. Бирюков в этой связи пишет: "Ныне – в свете работ по "искусственному интеллекту" – происходит как бы возрождение "логического психологизма", правда, на ином, более высоком уровне, чем это было ранее, например, в эпоху такого резкого критика психологизма в логике, каким был Г. Фреге".

На наш взгляд, логические методы поиска доказательств не преследуют цель изучить, как человек изобретает доказательства. Интерес концентрируется на изучении возможных методов поиска доказательств, их сравнении и систематизации

* См. работу Бирюкова: *Бирюков Б.В.* Актуальные проблемы философско-кибернетических исследований // *Философские науки*. 1981. § 2. С. 32.

независимо от того, как и кем они реализуются, людьми или компьютерами. В общем, способ реализации процедур интеллектуального характера, который разработан в рамках "искусственного интеллекта", может существенным образом отличаться от тех процедур, которые осуществляются человеком. Аналогично, производственные орудия и механизмы не обязательно копируют биологические органы. П. Уинстон очень четко формулирует эту "антипсихологическую" установку: "Заметим, что желание заставить вычислительные машины быть разумными – это не то же самое, что желание заставить вычислительные машины моделировать интеллект. Искусственный интеллект привлекает людей, которые хотят вскрыть принципы, применимые ко всем интеллектуальным информационным процессорам, а не только к тем, которые почему-то сделаны из влажной нервной ткани, а не из сухих электронных компонентов. Поэтому у нас нет желания копировать человеческий интеллект, как нет и предубеждений против использования методов, которые, по-видимому, используются в интеллекте человека... Точно так же, как сведения из психологии, касающиеся обработки информации у людей, могут способствовать совершенствованию компьютеров, так и теории, построенные исключительно на основе размышления о вычислительных машинах, часто наводят на различные соображения о том, как можно было бы улучшить образование людей. Иначе говоря, методология, используемая, чтобы сделать разумнее машины, может быть, видимо, использована и для того, чтобы сделать разумнее самих людей" [10, с. 14].

Мы бы сказали еще резче: задача логики состоит не в том, чтобы описать, как из посылок извлекаются следствия человеком или компьютером (или как ищутся доказательства), а в том, чтобы обосновать возможные способы рассуждения, методы поиска доказательств и т.д. Логика, как и математика, не является эмпирической наукой. Ни первая, ни вторая не обосновываются ссылкой на то, что некто так рассуждает или вычисляет. Расширение горизонтов логики не дает оснований вернуться к "логическому психологизму" даже на новом уровне.

Сказанное не означает, что между логикой и психологией нет и не может быть взаимодействия*. Однако ни психология, ни Computer Science не могут обосновать логику (равным образом математику и методологию).

В проблеме психологизма в логике, с нашей точки зрения, следует различать два круга вопросов, два совершенно разных подхода. Одно дело – рассмотрение логических форм и законов как форм и законов некоторого *естественного, природного процесса психической деятельности людей*, другое – вопрос включения познающего субъекта, его установок, предпосылок, наконец, принимаемого им концептуального аппарата в обоснование логических форм и законов. Это две совершенно различные установки, но их нередко не различают, называя психологизмом в логике и то и другое равным образом.

Включение субъекта познавательной деятельности в обоснование логических систем – одно из важнейших и перспективных направлений в обосновании логики, одна из точек роста. Однако появление логических систем, семантики которых включают определенные характеристики субъекта (такие как его знание, цели, принимаемый им концептуальный аппарат и т.д.), не означает возврата к эмпиризму и психологизму в логике, во всяком случае в традиционном смысле. С другой стороны, включение в семантику такого рода предпосылок может вести к пересмотру самих понятий истинности, ложности, отрицания. На этой базе возникают различного типа *нестандартные семантики* и соответствующие им логики.

Проблемы философских оснований логики не сводятся только к анализу понятия истинности в логике и его роли в обосновании логических систем. Другая линия связана с проблемой предметности, с проблемой методов семантического анализа смысла и значения выражений языка. **Какова роль предметной области и характера объектов рассмотрения в обосновании допустимых логических процедур и правил?**

Вопрос о природе логических законов, их абсолютности, универсальности, изменчивости или неизменности всегда являлся центральным при исследовании природы логического знания. С нашей точки зрения, следует различать два типа **теоретико-познавательных предпосылок**, от которых зависят логики. Во-первых, это предпосылки – назовем их *предпосылками онтологического характера*, налагаемые на миры, на объекты универсума рассмотрения (например, воображаемые миры Васильева или идеальные и реальные объекты у Гильберта, или возможные миры в семантиках модальных систем). Наконец, это *предпосылки, связанные с концептуальным аппаратом познающего субъекта*. Именно с предпосылками такого рода связано, на наш взгляд, включение в логику, в обоснование логических систем, субъекта познавательной деятельности.

Казалось бы, логические формы, логические законы не зависят от характера объектов рассмотрения, они универсальны. Кант полагал, например, что общая (формальная) логика имеет дело лишь с необходимыми и всеобщими правилами мышления вообще, она исследует их без различия объектов, т.е. материи, являющейся предметом мысли, и посему она отвлекается от всякого содержания знания. "Общая логика открывает только форму мышления, но не материю. Она отвлекается от всякого содержания познания" [6, Фрагмент 1627].

Логика не зависит от конкретных положений дел в действительности, от эмпирических характеристик объектов рассмотрения. В этом смысле она действительно не зависит от содержания познания, как это утверждал И. Кант. Логика – теоретическая, а не эмпирическая наука. Но она не зависит лишь от конкретного содержания познания.

Четко ставит вопрос об условиях и предпосылках использования обычных законов логики в математике, об их зависимости от характера объектов рассмотрения Д. Гильберт. В качестве предварительного условия для применения логических выводов и для выполнения логических операций нечто должно быть нам уже дано, а именно: определенные внелогические конкретные объекты, которые могут быть представлены наглядно и даны нам непосредственно. Утверждения о такого рода объектах являются *содержательными сообщениями* и могут оцениваться как истинные и ложные (" $5 > 2$ ", " $2 + 3 = 3 + 2$ " и т.п.). Гильберт называет их действительными (реальными) предложениями. К такого рода высказываниям можно "свободно и не задумываясь применять обычные законы логики", их можно отрицать, они истинны или ложны, для них имеет место закон противоречия, т.е. какое-либо высказывание такого рода и его отрицание не могут быть оба истинными; имеет место и закон исключенного третьего.

Однако указанные выше предпосылки для использования обычных законов логики не соблюдаются при введении в математику идеальных элементов [8, гл. VI, § 2]. Теории, помимо реальных, конкретных объектов, доступных опытной проверке, "насекаются" еще идеальными объектами различного статуса, в том числе и фикциями, не имеющими в принципе аналога в действительности. Возникает вопрос о возможности и предпосылках использования *обычных логических законов* применительно к такого рода объектам. Оказывается, что законность умозаключений, применяемых к такого рода объектам, требует обоснования; применение обычных законов логики и процедур рассуждения может приводить теперь к противоречиям. Таким образом, обычная формальная логика оказывается вовсе не безразличной относительно объектов, относительно "материи", являющейся предметом мысли, в этом плане она не отвлекается от содержания познания.

Так, способы рассуждения, абстрагированные от математики конечных множеств, не могут переноситься и применяться – без дальнейшего обоснования – к математике бесконечных множеств. Точно так же применение обычных законов логики к рассуждениям об идеальных элементах требует обоснования, выявления условий такого рода применений. "А содержательные логические выводы, когда мы их применяем к действительным вещам или событиям, – разве они нас где-либо обманывали и где-либо

* Интересная программа такого взаимодействия изложена в статье Маслова С.Ю.: Теория поиска вывода и вопросы психологии творчества // Семиотика и информатика. Вып. 13. М., 1979. С. 17–46.

нам изменяли? Нет, – содержательное логическое мышление необходимо. Оно нас обманывало только тогда, когда мы принимали произвольные абстрактные способы образования понятий... Мы, очевидно, не обратили внимания на предпосылки, необходимые для применения содержательного вывода" [4, с. 350].

К идее зависимости логических законов от "эмпирии", от характера объектов рассмотрения в другом любопытном аспекте приходит также известный русский логик начала XX в. Н. Васильев. Васильев полагал, что определенные логические законы носят "эмпирический" характер в том смысле, что они зависят от познаваемых объектов и изменяются соответственно с изменением объектов рассмотрения. Такого рода законы не универсальны, иными словами, они зависят от учета определенных онтологических предпосылок, связанных с рассматриваемыми объектами. Согласно Васильеву, "мы можем мыслить другие миры, чем наш, в которых некоторые логические законы будут иными, чем в нашей логике. ... Теперь ясно, что если *при неизменности познающего субъекта* в другом мире некоторые логические законы были бы другими, чем у нас, то это было бы возможно только при условии, что изменившиеся логические законы в нашей логике зависят не от познающего субъекта, а от познаваемых объектов, т.е. что эти логические законы не рациональны, а эмпиричны" [1, с. 57].

Таким образом, у Васильева логические законы изменяются не потому, что изменяются рациональные способности субъекта или изменяется мышление как естественный природный процесс, – изменяются те логические законы, которые связаны с определенными онтологическими или теоретико-познавательными предпосылками, связанными с объектами рассмотрения. Если в этом случае и допустимо говорить об "эмпиричности" логических законов, то под "эмпиризмом" надо понимать *не что совсем иное*, нежели в том случае, когда логические законы трактуются как эмпирические обобщения, как законы некоторого естественного процесса человеческого мышления. Фактически у Васильева речь идет об информативности логических законов, об их отношении к познаваемому миру, о зависимости их от предпосылок, связанных с объектами рассмотрения. "Предположите мир осуществленного противоречия...", в таком воображаемом мире и будет действовать *воображаемая, неаристотелева* логика. "Воображаемая логика неаристотелева потому, что она имеет дело с *другим логическим миром*, с другими логическими операциями, чем те, с какими имела дело наша логика, впервые систематизированная Аристотелем" [1, с. 62].

Закон противоречия предполагает двучленное деление суждений по качеству – на утвердительные и отрицательные. Без такого подразделения он не может быть даже сформулирован (сама формулировка закона предполагает понятие отрицательного суждения, аналогично обстоит дело и с формулировкой закона исключенного третьего). *Воображаемая же логика* имеет, согласно Васильеву, три различные по качеству формы суждения: 1) утвердительное, 2) отрицательное, 3) противоречивое; последнее Васильев называет индифферентным.

Далее, Васильев различает суждения о факте, для которых действует закон исключенного третьего: "Лампа (эта лампа, здесь, сейчас) горит или не горит", третьей возможности, третьего суждения не может быть, – и суждения о понятии ("Тело протяженно", "Треугольник – замкнутая фигура"). К суждениям о понятии не применим закон исключенного третьего, но применим закон исключенного четвертого, ибо в суждениях о понятии Васильев фактически учитывает способ связи предиката и субъекта. Суждение может выражать необходимость данного предиката для данного понятия (например, для треугольника его замкнутость), и это будет утвердительное суждение о понятии; оно может выражать невозможность данного предиката для данного понятия (например, для треугольника добродетель) – отрицательное суждение о понятии; и, наконец, может выражать возможность данного предиката для данного понятия (например, для треугольника равносторонность). Таким образом, у Васильева теоретико-познавательные предпосылки относительно объектов рассмотрения, допускаемые при этом абстракции и идеализации существенным образом влияют на действенность логических законов, определяют их значимость и сферу применения.

Интересно отметить, что в семантике возможных миров для обоснования классической логики используются непротиворечивые и полные описания состояний. Для такого рода описаний состояния высказывания вида $(A \vee \neg A)$, $\neg(A \& \neg A)$ являются общезначимыми формулами (логически-истинными утверждениями). В семантиках релевантных логик допускаются "нестандартные", "воображаемые" миры – противоречивые и неполные описания состояний. В такого рода семантиках указанного вида утверждения не являются тавтологиями (логическими истинами). Тем самым вскрывается та информация, которую несут о мире тавтологии классической логики, выявляются те допущения, которые они предполагают.

Таким образом, рассматривая вопрос о статусе логических законов, Васильев четко различает те из них, которые обращены к миру, объектам (закон противоречия, закон исключенного третьего) и потому относительны, могут устраняться, и некоторые металогические принципы (он их называет законами металогики), которые связаны с нашими понятиями вывода, истинности, ложности, суждения и поэтому не могут отбрасываться, *они присущи, согласно Васильеву, любому логическому мышлению независимо от характера объектов познания*. "Суждение не может быть одновременно истинным и ложным". Этот закон *несовместимости истинности и ложности*, по Васильеву, является универсальным законом – "законом абсолютного разграничения истины и лжи" и его не следует смешивать с законом противоречия. "Без этого закона невозможна никакая логика... Тот, кто перестал бы различать истину от лжи, тот перестал бы мыслить логически" [1, с. 64–65].

Таким образом, важно выявить, какие законы логики и способы рассуждения зависят от предметной области, от типа объектов рассмотрения, а какие – от познающего субъекта, от его концептуального аппарата, от используемых им понятий истинности, ложности, суждения, вывода.

Законы и принципы логики, *связанные с субъектом*, Васильев рассматривает как универсальные и неизменные – без них невозможно никакое правильное мышление. Возникает важный, принципиальный вопрос, так ли это. В ходе познавательной деятельности изменяется понятийный аппарат, лежащий в основе логики, но это не означает, что мы "перестали мыслить логически". В противоположность Н.А. Васильеву, мы не считаем, что законы, связанные с концептуальным аппаратом субъекта, являются абсолютными и неизменными. Они так же изменяются как и законы, связанные с определенными предпосылками относительно универсума рассмотрения. Так, пересмотр понятий истинности и ложности, отношений между ними приводит к нестандартным семантикам и обуславливает особые способы рассуждения, базирующиеся на этих семантиках.

Пусть W – множество возможных миров, $\varphi_T(p) \subseteq W$ – класс миров, в которых высказывание p имеет место (*область высказывания*), а $\varphi_F(p) \subseteq W$ – класс миров, в которых высказывание p не имеет места (*антиобласть высказывания*). Если предикаты истинности и ложности в отличие от классики рассматривать как не всюду определенные, и ввести понятия истинности и ложности как *независимые понятия*, мы имеем тогда дело с такими *независимыми объектами*, как области и антиобласти высказываний, между которыми в принципе могут устанавливаться различные отношения, в частности приниматься или не приниматься условия:

$$1. \varphi_T(p) \cap \varphi_F(p) = \emptyset; \quad 2. \varphi_T(p) \cup \varphi_F(p) = W.$$

Принимая оба условия, получаем стандартную, классическую семантику. Принимая 1. и отбрасывая 2. – семантику с истиннозначными провалами (gaps); принимая 2. и отбрасывая 1. – двойственную ей семантику с пресыщенными оценками (glut evaluations); наконец, не принимая оба условия 1. и 2., получаем релевантную семантику. Таким образом получаем *нестандартные семантики* и логики, базирующиеся на них. Соответственно, получаем *различные отношения логического следования*. Различные системы логики детерминируются именно этими отношениями логического следования в

сочетании с принятием (или не принятием) условий 1. и 2. Вопрос их формализации – особый вопрос [8, гл. V.]. Таким образом, определенные типы логик детерминируются в данном случае вполне определенными объективными отношениями в сфере таких идеальных объектов, как области и антиобласти высказываний. Последние же и отношения между ними зависят от принимаемых понятий истинности – ложности, от их уточнений.

Логика, их формы и законы зависят тем самым от содержания познания, но связи, лежащие в их основе, идеальные.

Отметим, что введение предикатов истинности и ложности как не всюду определенных достаточно естественно. Действительно, всякое ли осмысленное высказывание (выражающее суждение) может оцениваться как истинное или ложное? Однако пересмотр понятий истинности и ложности, областей их действия, отношений между этими понятиями ведет к пересмотру известной схемы Тарского. Согласно схеме А. Тарского, понимать высказывание значит знать условия его истинности. И, наоборот, понимание условий истинности высказывания определяет его смысл. Однако уже Буридан отмечал, что существуют высказывания, вполне осмысленные, которые мы понимаем, но которые не могут быть оценены как истинные или ложные. Высказывание парадокса Лжеца осмысленно, но попытка его истинностной оценки приводит к противоречиям. Высказывания об идеальных объектах – фикциях ("идеальные высказывания" в терминологии Д. Гильберта) являются осмысленными высказываниями математики, но они не могут оцениваться как истинные или ложные. Принятие такого рода положения означает по существу пересмотр схемы Тарского [8, гл. V, § 5].

Согласно Расселу высказывания типа, например, высказываний обо всех высказываниях ("Все высказывания истинны или ложны") лишены истинностной оценки, но они и трактуются Расселом как лишенные смысла (т.к. сами должны быть включены в это множество). Встает в целом проблема соотношения осмысленности и условий истинностной оценки высказываний.

Особый философский вопрос – вопрос роли (и необходимости) абстрактных сущностей в семантическом анализе, – вопрос введения особой "онтологии" в семантику, в мир языка логики. Речь идет, естественно, не об онтологии реального мира, а о конструировании нами "латентных сущностей", обосновании их введения в семантику и их роли в анализе логических структур.

Отметим, что в принципе переход к более богатым языкам и системам предполагает включение в семантику абстрактных объектов более высокого уровня, идеальных объектов особого рода. Рассмотрим, например, интенциональные контексты. Переход к такого рода контекстам ведет к "умножению сущностей" в семантическом анализе. Замена эквивалентных, кодесигнативных выражений служит критерием разграничения экстенциональных или неэкстенциональных (интенциональных) контекстов. Этот критерий выполняет роль "лакмусовой бумажки", но никак не разъясняет особенностей неэкстенциональных контекстов. Следует различать два типа предикатных знаков и операторов – экстенциональные и интенциональные ("знает, что...", "необходимо, что..." или "искать" – в контекстах типа "Шлиманн искал местоположение Трои" и т.д.). Эти знаки отличаются прежде всего типом сущностей, сопоставляемых им в семантике. Если обычному экстенциональному знаку в качестве интенционала сопоставляется, напр., объект типа 2^W (пропозициональный концепт, функция, устанавливающая зависимость истинностной оценки высказывания от мира $w \in W$), то одноместным интенциональным пропозициональным операторам – при подходе Д. Скотта – приписываются объекты типа $(2^W)^{(2^W)}$, т.е. функции, сопоставляющие пропозициональным концептам пропозиционные концепты. При подходе Р. Монтегю – отношения между мирами (объектами из W) и семействами миров, т.е. объектами типа $2^{W \times 2^W}$ – подмножества множества своеобразных пар вида $\langle w_i, S \rangle$, где $w_i \in W$, а S – семейство миров. Смысл таких пар $\langle w_i, S \rangle$: мирам сопоставляются их "окрестнос-

ти" – миры (положения дел), связанные с ними. При нашем подходе – объекты типа $(2^{(2^W)})^W$, т.е. мирам сопоставляются семейства пропозициональных концептов. Таким образом, семантический анализ интенциональных контекстов предполагает своеобразную "онтологию".

Однако, с нашей точки зрения, принципиальное отличие рассматриваемых контекстов заключается в особой их логической структуре – ином способе связи интенциональных функторов с их аргументами и, соответственно, в ином способе установления экстенционалов и интенционалов сложных выражений [8, гл. IV]. Именно введение особого рода сущностей, сопоставляемых в семантике интенциональным функторам, диктует иной способ связи этих функторов с аргументами, иную логическую структуру этих контекстов.

Вернемся к вопросам, поставленным в начале; остановимся на роли логики, "логических сеток", в анализе ряда философских проблем. Как онтологические, гносеологические предпосылки играют решающую роль в логике, в обосновании логических систем, так и принятие той или иной логики определяет подход к решению целого ряда философских, теоретико-познавательных вопросов. Ибо логика несет в себе нагрузку определенных абстракций и идеализаций, способов конструирования, сквозь сетку которых мы "смотрим" на мир. Особый интерес представляет вопрос о роли логики в познавательной деятельности, в построении гносеологических картин мира.

Глобальной философской проблемой является проблема обоснования необходимого, теоретического знания. Связь логики и философии особенно ярко выступает в рассмотрении этого круга вопросов. В этом плане особый интерес представляет программа обоснования математики, выдвинутая Д. Гильбертом. Суть его метода мы видим не в формализации теории и доказательстве ее непротиворечивости, как это обычно подчеркивается, а в обосновании вводимых в теорию "идеальных образов". Его метод – прежде всего метод идеальных элементов. Одна из задач в связи с анализом этого подхода, с нашей точки зрения, – показать роль философских идей И. Канта в гильбертовской трактовке логики и математики. Другая – показать связь логики с обоснованием вводимых "идеальных элементов" и трактовкой необходимого, математического знания.

Вслед за Кантом предполагается, что предварительным и необходимым условием применения логических выводов и операций является, как отмечалось, наличие в нашем представлении внелогических, конкретных объектов, которые "имеются в созерцании до всякого мышления". Гильберт считает это той основной философской установкой, которая обязательна как для математики, так и для всякого научного мышления. При этом ключ к пониманию гильбертовской трактовки подлинных объектов математики (и, соответственно, "действительных предложений") следует искать именно в кантовской идее схематизма чистого созерцания, ибо это не объекты эмпирического созерцания [8, гл. VI].

Причину возникновения парадоксов надо искать не в логике (не в законах и правилах классической логики), а в несоблюдении предпосылок и условий ее применения. "Идеальными образами" (идеальными элементам – в терминологии Гильберта) отводятся роль кантовских трансцендентальных идей. На наш взгляд, именно этим определяется введение вслед за Кантом "заградительных мер". Обязательное условие, с которым связывается введение идеальных элементов, – доказательство их устранимости из контекста всей теории. Доказательство формальной непротиворечивости связано у Гильберта именно с элиминированностью идеальных элементов, и в этом смысле составляет суть его метода идеальных элементов [8, гл. VI].

В то же время велика роль идеальных элементов в построении научного знания, в сохранении той же математики в полном объеме. С точки зрения Гильберта совершенно неразумно выдвигать общее требование, чтобы отдельные предложения теории – будь то математика или физика – допускали содержательное истолкование. "В

теоретической физике только известная часть комбинаций и следствий из физических законов может быть контролируема опытом, – подобно тому, как в моей теории доказательств только действительные высказывания могут быть непосредственно проверяемы" [4, с. 382].

В рамках рассматриваемых вопросов коснёмся определенных философских следствий, вытекающих из результатов Гёделя. В связи с расширением финитной установки Гильберта встает вопрос о трактовке действительных предложений математики, о соотношении действительных объектов и "мысленных образов". Результаты Гёделя показали, что для доказательства непротиворечивости даже таких простых систем, как первопорядковая арифметика, необходимо выйти за рамки финитной системы мышления в смысле Гильберта. Это означает, что для доказательства непротиворечивости в метатеории нужны определенные абстрактные, то есть не наглядные, понятия, относящиеся не к конкретным объектам наглядного созерцания, а к мысленным образам. Иными словами, мы выходим за рамки чисто синтаксических рассмотрений, относящихся к чисто формальным объектам. *Означает ли в таком случае расширение финитной установки Гильберта выход за рамки познания "посредством конструирования понятий" в смысле Канта?*

К. Гёдель, вслед за Бернайсом, различает в финитной установке два момента. Во-первых, конструктивный момент – наличие эффективного метода построения соответствующего понятия объекта. Во-вторых, "специфически финитистский элемент, требующий, сверх того, чтобы объекты, о которых делаются высказывания... были наглядными... Под этим понимается сопоставление им пространственно-временных элементов, все особенности которых, за исключением их равенства и различия, не существенны" [3, с. 301].

Таким образом, финитизм Гильберта – благодаря работам Г. Генцена и К. Гёделя – претерпевает изменения в том направлении, что приходится отказываться, по существу, от номиналистической установки – от требования "наглядной очевидности". С нашей точки зрения, это отказ от требования представить "общее in concreto" (в единичном созерцании) посредством остенсивных или знаковых конструкций. Но сохраняется Кантова идея, связанная со "схемой", – наличие общего способа, посредством которого строится объект, сообразно некоторому понятию. В то же время это все же отказ от идеи созерцательного характера математического знания, от понимания схемы "как правила синтеза воображений". Однако априорный, аподиктический характер математического знания ("аподиктическая достоверность") сохраняется, поскольку мы обращаемся к тем свойствам, которые относятся к схеме, определяются правилами конструирования объекта [9].

Априоризм здесь понимается совершенно в особом смысле. Аподиктическая достоверность математических утверждений базируется не на эмпирии и не на анализе понятий, а на общих условиях конструирования объектов математического знания, задаваемых фактически "схемой" в смысле И. Канта. Именно это, с другой стороны, обуславливает достаточную независимость теоретических конструкций от эмпирии и *создает в принципе возможность построения чисто теоретических, символических моделей мира*. Но это уже разговор о роли логики, "логических сеток" в построении картины мира – "логических строительных лесов" в смысле Л. Витгенштейна.

Особое место в философских исследованиях занимают вопросы соотношения языка, логики и онтологии. С одной стороны, это вопрос о том, к принятию какого рода сущностей принуждает нас принимаемый язык. Существенную роль в этом плане играет известный критерий Куайна, устанавливающий связь между типом квантифицируемых переменных и типом принимаемых в языке сущностей. Иными словами, это вопрос "языковых каркасов" теорий и критериев их введения. Следует при этом различать внутренний и внешний вопросы введения языковых каркасов.

Другой круг вопросов связан с конструированием картины мира. Дело в том, что принципы такого конструирования не являются результатом непосредственного познания мира. Мы смотрим на мир через определенную "сетку", и задание определенной

онтологической картины мира существенно зависит при этом от языка и логики. Проблема языка и онтологии, той познавательной "сетки", которая диктуется языком и его структурой, – один из интереснейших философских вопросов. В каком плане язык определяет формирование такого рода "сеток"?

Без понимания роли логики в формировании онтологических картин мира невозможно войти в философию Трактата Л. Витгенштейна, понять представленную в нем онтологию. Вопрос "границ языка" и роли логики в построении картины мира – центральная проблема, исследуемая в Трактате. Почему мир – совокупность фактов, а не вещей (3, 1.1)? И каков характер этих фактов, положений дел (Sachverhalt) [2, (3.1.1)]? Иногда полагают, что подход Витгенштейна связан с расселовской концепцией атомарных фактов. Но это абсолютно не так. Витгенштейновский мир, характер его фактов, не имеет ничего общего с концепцией Б. Рассела; истоки его совершенно иные. Не случайно Витгенштейн полагал, что Рассел не понял или истолковал по-своему идеи его Трактата.

Иногда связывают идеи Витгенштейна с логическим позитивизмом, рассматривают его как представителя этого направления. Однако основополагающая догма логического позитивизма – догма верифицируемости. Исходные, "протокольные", предложения – это эмпирические предложения, предложения наблюдения. Атомарные факты (Sachverhalt) Витгенштейна – не эмпирические данные; атомарные факты – это конструкции, это те положения дел, которые "проецируются" логической структурой атомарных предложений, способом прочтения пропозиционального знака (4.021)*. Вот истоки того, что выступает в роли атомарных фактов мира Трактата. Но об этом ниже.

Можно выделить два аспекта философских исследований. Одна линия связана с построением "картины мира" и направлена на мир. Вторая связана с выявлением границ познания и мышления. В Трактате Витгенштейна разрабатываются оба эти аспекта, более того, они тесно взаимосвязаны. Однако проблема возможностей и границ познания и мышления рассматривается сквозь призму логики и языка. И это не случайно. Философские исследования Витгенштейна идут именно в этом русле: что и как мы можем мыслить, каковы границы "моего мира", границы языка и логики. В каком смысле субъект "есть граница мира"? «Субъект не принадлежит миру, но он есть "граница мира" (5.638). Чем определяется эта граница?

Мы не можем мыслить нечто, выходящее за границы языка и логики, "границы моего языка означают границы моего мира" (5.6). Что же представляет собой в таком случае мир Трактата Витгенштейна? Каким образом границы моего языка означают границы моего мира? И какую роль играет при этом логика? Не есть ли это своеобразная форма солипсизма и конвенционализма: язык, построенный "следуя правилу", детерминирует мир познающего субъекта? Каким образом и в каком смысле язык своими структурами может определять мир? Весь этот комплекс вопросов неразрывным образом связывает язык, логику и онтологию.

Таким образом, цель Витгенштейна не в разработке философии языка, цель иная – через исследование определенных формальных, логических свойств языка выявить метод конструирования модели мира. В конечном счете это оказывается и вопросом **пересмотра общей концепции логики**.

В Трактате новацией выступает не просто изобразительная концепция языка, как это обычно отмечается, но прежде всего – принимаемые методы логико-философских рассуждений. Хотя логическая нотация в Трактате в основном повторяет Фреге-Расселовскую, метод анализа, принимаемый в Трактате, весьма своеобразен и отличается от того метода, который восходит к Фреге и Расселу и в целом получил закрепление в современной логике. Соответственно, необычен и тот мир, который высвечивается сквозь призму проведенного в Трактате анализа.

* У нас это обычно переводят – на мой взгляд, неудачно – как "атомарный факт".

* Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов... (4.023); "В предложении положение вещей составляется как бы ради пробы..." (4.031); см. также тезисы (4.021), (4.016), (4.031), (3.11), (3.12).

Да и само понимание изобразительной концепции языка, – на самом деле не обычное – неразрывно связано с трактовкой логики, с трактовкой роли логических структур*.

И все же разберемся, о какого рода языке идет речь в Трактате. Используемый в Трактате символизм адресует нас к искусственным языкам логики, однако Витгенштейн подчеркивает, что речь идет о мире, соответствующем именно обычному естественному языку (5.62).

При этом необходимость, определяющая границы языка, носит у Витгенштейна абсолютный характер, он выводит эту необходимость не из случайных черт, присущих тому или иному языку, а из существенной природы языка, которая может быть выделена в любом реальном языке. Витгенштейн работает как бы в рамках структуры данного естественного языка (того "единственного языка, который понимаю я" (5.62)), но пытается в принципе выявить границы любого языка. Таким образом, на деле речь идет об "идеальном" (идеализированном) языке. Поэтому-то Витгенштейн говорит о единственном (!) языке, "который понимаю я". Он – единственный потому, что он "идеальный", потому что он воспроизводит, моделирует общие принципы и структуры любого языка – рассматриваемого, конечно, в репрезентативном аспекте. И эти принципы определяются в конечном счете логикой. Именно относительно такого, идеального языка можно ставить вопрос о "мире языка" вообще. Речь идет о языке как "сетке", способе репрезентации мира. И логическая "сетка", наиболее универсальная, делает язык образом, "проекцией" действительности.

"Нелогичный мир" мы просто не можем мыслить, как не можем увидеть то, что лежит вне поля зрения глаза, включая собственный глаз. Именно поэтому логические структуры и формы не могут репрезентироваться, описываться в языке. Они наш глаз и они определяют наше поле зрения.

В языке можно представить только мир, отвечающий законам логики. И это определяет границы языка и соответствующего ему мира. В этом же плане ведется речь о "логических строительных лесах" мира. Именно логика очерчивает общие границы мира, границы возможного в мире, логика – а не теории, подобные физике.

В этом смысле логика не теория, а отображение мира. Логика трансцендентальна (6.13). Пересмотрена по существу, с нашей точки зрения, сама концепция логики, ее роль в построении картин мира. Чтобы понять, почему и в каком смысле логика не является теорией и каково ее отношение к миру, надо учесть, что речь идет о способах представления мира, о различных "сетках", которые мы используем при конструировании "картины мира", моделей мира.

Каждая теория (ньютоновская механика, например) дает определенную сетку описания, "видения" мира и тем самым "приводит описание мира к единой форме". Однако формы отображения, присущие научным теориям и присущие языку с логикой, принципиально различны. Логика, в отличие от научных теорий, задает *общую сетку* описания мира и в этом смысле она – "отображение мира". Именно логика детерминирует те "строительные леса", которые определяют **общие принципы** построения картины мира. Так, логическая структура предложений детерминирует все возможные положения вещей (*der Sachverhalt*) – и реализуемые и не реализуемые в действительности. Поэтому "логика наполняет мир; границы мира являются также ее границами" (5.61), логика определяет наше поле зрения.

Пространство возможностей, логическое пространство, дано априори (не "до опыта", а "вне опыта"). Логика априори устанавливает границы "возможных положений дел" (*Sachverhalten*). *Ситуацию, нарушающую логическую сетку, нельзя помыслить*. И то, что мыслимо, также возможно. Предложению принадлежит соответствующего положения вещей. "Изобразить в языке нечто "противоречащее логике" так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изоб-

* Как понимать, напр., положение "Каждый образ есть *так же* логический образ" (2.182)? И почему, в каком смысле логическая форма является формой действительности (2.18).

разить фигуру, противоречащую законам пространства..." (3.032). Так мы приходим к идее общей картины мира, детерминированной логикой.

Можно только поставить вопрос (важный вопрос!) о единственности "сетки", налагаемой языком – тем идеализированным, "единственным" языком с *определенной логикой*, о котором шла речь выше. С нашей точки зрения, в принципе возможны иные сетки, детерминирующие иные способы конструирования картины мира. Возможно, принятие иных методов анализа языка и логических структур детерминирует иную "сетку" и тем самым иной способ конструирования картины мира. Мы получаем не единственный, а различные идеализированные языки с различными языковыми каркасами и речь пойдет об онтологиях, связанных с ними. Важнейшим вопросом в этом случае становится вопрос о предпосылках принятия того или иного языкового каркаса.

Однако сам Л. Витгенштейн не поднимал вопроса о возможности иных логических "сеток". Логические структуры однозначно детерминируются *принимаемым в Трактате методом анализа языка и трактовкой отношения отображения* (и тем самым рамками того "единственного языка" в котором они реализуются). Постановка же вопроса об иных методах анализа, иных логических структурах и о возможности иных форм отображения означала бы опять-таки выход за границы мира, за границы того, что может репрезентироваться в языке.

Посредством какой же "сетки" осуществляется описание мира с помощью логических "строительных лесов"? Что нового вносит метод анализа, принимаемый в Трактате? Попробуем выделить некоторые основные моменты.

За логическими "строительными лесами", за принимаемым подходом к языку встает совершенно необычная онтология, **необычная картина мира** – "мира" Трактата Витгенштейна, мира, лишённого вещей и свойств, отношений, похожего скорее на "топологическую" картину в пространстве возможностей.

Трактату присуща совершенно своеобразная, отличная от общепринятой трактовка структуры простых (атомарных) предложений как структуры, проецирующей положения вещей (факты)*.

Ключом к принимаемому истолкованию предложения служит особая трактовка образа и отношения отображения. Речь идет не о "сходстве", "похожести" образа и отображаемого, а о *конструировании согласно правилу*. Образ понимается как модель, проекция, и правило является законом проекции. "Предложение – образ действительности. Предложение – модель действительности, как мы ее себе мыслим" (4.01)**.

Внутреннее образное отношение между языком и миром состоит вовсе не в том, что они "похожи", что язык копирует реальность, воспроизводит ее.

Нам представляется что витгенштейновская трактовка образа неожиданно и интереснейшим образом переключается с кантовским учением о схематизме чистого созерцания. Существует глубинная связь между трактовкой образа как проекции, как конструирования следуя правилам и кантовским пониманиям схемы как общего способа, посредством которого воображение "доставляет понятию образ", не прибегая при этом к опыту, априори.

Только уяснение витгенштейновской трактовки отношения отображения позволяет отойти от общепринятого упрощенного понимания изобразительной, "картинной" концепции языка. Только учет "следования определенному правилу" – уже здесь в Трактате – и, следовательно, "проективной" концепции образа позволяют понять отношение языка и онтологии в Трактате. Предложение – не имя истинного значения или даже ситуации. Правила, относящиеся к пропозициональному знаку (языковому

* В отличие от Г. Фреге предложение не рассматривается как десигнативное выражение и не членится по схеме: функтор и его аргументы. "Предложению принадлежит все то, что принадлежит проекции: но не то, что проецируется... Следовательно, в предложении еще не содержится его смысл, но, пожалуй, лишь возможность его выражения..." (3.13).

** "Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов, поэтому можно в предложении фактически видеть все логические черты, присущие действительности, если оно истинно" (4.023).

выражению предложения), таковы, что предложение должно порождать то, что он называет связью вещей (der Sachverhalt). Таким образом, онтология, к которой принуждает трактовка предложений, – это онтология наличия или отсутствия положений вещей, фактов (Sachverhalten).

Соответственно характеру правил, относящихся к пропозициональному знаку, атомарный факт трактуется своеобразно как связь, сцепление, конфигурация вещей*. Метод Л. Витгенштейна тем самым исключает обычный анализ по схеме: предметы, свойства, отношения. Семантика Витгенштейна, в отличие от традиционной, носит не теоретико-множественный, а необычный, "проективный", "топологический" характер. Вещи не наделены свойствами; аргументное место, в отличие от обычного понимания, означает совсем иное – определенную точку в, например, цветовом пространстве. Соответственно, отношения между высказываниями "Красен (а)", "Бел (а)" и т.д. определяются логической структурой этого пространства. Это совсем иная трактовка предикатных знаков, связанная с идеей показа в языке положений вещей в соответствующих "пространствах". Соответственно, знаки свойств и отношений трактуются как синкатегорематические, необозначающие, да и сами объекты не существуют вне пространства возможных элементарных положений вещей (der Sachverhalt). Поэтому мир онтологии Трактата – совокупность фактов, а не вещей; таков соответствующий методу Трактата способ репрезентации мира. Таким образом, необычная трактовка пропозициональных знаков, логических структур, обозначающих выражений, самой логики порождает совершенно необычную онтологию, необычный мир Трактата Витгенштейна. Без понимания этого невозможно "войти" в философию Трактата Витгенштейна. Язык не создает мир, но он задает ту сетку, которая определяет принципы конструирования картины мира.

Что касается солипсизма Витгенштейна, то это скорее своеобразный априоризм, но идущий (в отличие от Канта) от репрезентативной сетки языка и логики. "Мой язык" с логикой задает самую универсальную сетку, определяющую границы всех возможных положений дел. Модель мира – модель, определяемая этой сеткой, и выйти за пределы этого поля зрения нельзя. "Априорность – логика заключается в том, что нельзя нелогически мыслить" (5.4731).

В целом, скажем, расширение сферы логического, усиление роли логики в познавательной деятельности, разработка логики не только как теории рассуждений, но и как "строительных лесов" мира, как основы познавательных сеток – одно из интереснейших и перспективнейших, с нашей точки зрения, направлений, к которому подошла современная логика на рубеже веков. Это то, что будет новым в логике нового века.

Литература

1. Васильев Н. Логика и металогики // Логос. Кн. первая и вторая. М., 1912–1913. С. 57.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1957.
3. Гёдель К. Об одном еще не использованном расширении финитной точки зрения // Математическая теория логического вывода. М., 1967.
4. Гильберт Д. Основания геометрии. М.–Л., 1948.
5. Гильберт Д. Естествознание и логика // Кантовский сборник. Вып. 15. С. 122–123.
6. Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. XVI. Berlin, 1924.
7. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 48.
8. Смирнова Е.Д. Логика и философия. М., 1996.
9. Смирнова Е.Д. И. Кант и финитная установка Д. Гильберта // Логические исследования. Вып. 4. М., 1997.
10. Уинстон П. Искусственный интеллект. М., 1980. С. 14.

* В атомарном факте объекты примыкают друг к другу как звенья цепи (2.03).

От редакции. В сентябре этого года исполнилось 70 лет со дня рождения Мераба Константиновича Мамардашвили, а в ноябре – 10 лет со дня его смерти. Влияние этого выдающегося философа на нашу мысль и культуру, весьма значительное и при жизни, за прошедшие годы выросло еще больше. Мало издававшийся при жизни (и известный многим главным образом по своим лекциям), Мераб Константинович сегодня пришел к читателю целым рядом книг, опубликованных за последние годы. Для нас существенен и тот немаловажный факт, что в течение многих лет Мераб Константинович в качестве редактора работал в нашем журнале, а в 1968–1974 гг. – годы особой популярности "Вопросов философии" среди отечественной интеллигенции – был заместителем главного редактора.

В этом номере мы публикуем статью Ю.П. Сенокосова о творчестве М.К. Мамардашвили, а также неопубликованную лекцию Мераба Константиновича. Кроме того, помещаем здесь же статью М.Н. Вересова, содержащую ряд моментов, характеризующих анализ М.К. Мамардашвили феномена сознания.

Мераб Мамардашвили: вехи творчества

Ю.П. СЕНОКОСОВ

...Впервые я увидел Мераба Мамардашвили, если мне не изменяет память, в августе или в сентябре 1966 г.

Представьте себе, что по довольно длинному коридору (это происходило в здании Института философии в Москве) вам навстречу движется – не идет, а именно, не торопясь, движется – высокий широкоплечий человек в очках с большой лысой головой, слегка наклоненной вперед, отчего, на что вы невольно обращаете внимание, и вся его фигура, как у скользящего конькобежца, тоже кажется как бы подавшейся вперед, хотя он явно не спешит, и когда проходит мимо, прежде чем скрыться на лестничной площадке, вы видите, что одет он в черный свитер, у него крупные черты лица и внимательный взгляд.

Эта устремленная под тяжестью головы вперед необычная человеческая фигура, я хорошо помню, поразила меня больше всего...

Первая статья

Как-то во время одного из наших разговоров М.К. сказал, что философом можно стать только после 50-ти, имея, очевидно, в виду прежде всего свой жизненный опыт. Когда он окончательно понял, что, с одной стороны, существует история философии,